

УДК 811.161
ББК 81.2Рус-2

РУССКОЕ ДЕЕПРИЧАСТИЕ: ЧАСТЬ РЕЧИ ИЛИ ФОРМА ГЛАГОЛА?

Л.Р. Абдулхакова

Статья посвящена вопросу о статусе русского деепричастия в грамматической системе русского языка на фоне проблемы классификации частей речи с учетом истории становления этой грамматической категории.

Ключевые слова: история русского языка, грамматика, классификация частей речи, деепричастие.

Вопрос о грамматическом статусе деепричастия в русском литературном языке имеет давнюю традицию. Отсутствие единства в его решении наблюдается на протяжении длительного времени вплоть до современных исследований. Так, М.В. Ломоносов, а вслед за ним и А.А. Барсов, объединяли причастия и деепричастия в одну категорию. В грамматических руководствах XIX века высказывалось мнение, что деепричастие представляет собой неизменяемую часть речи – отглагольное (глагольное) наречие (Н.И. Греч, Г. Павский, Ф.И. Буслаев). Дискуссия о статусе деепричастия продолжалась и в работах лингвистов первой половины XX века: Д.Н. Овсяннико-Куликовский характеризовал деепричастие как отдельную часть речи [18], а В.А. Богородицкий относил его к «придаточным частям речи, имеющим собственное значение», называя «наречием к причастию» [2, с. 105]; А.М. Пешковский рассматривал деепричастие как «смешанную часть речи», в которой равноправны глагольность и значения наречия [22, с. 128], что близко к точке зрения В.В. Виноградова, считавшего деепричастие гибридной наречно-глагольной категорией [3, с. 308]. На специфику деепричастия обращал внимание и Л.В. Щерба, правда, не избежав при этом некоторой противоречивости в суждениях: «Что касается

деепричастий, то они, конечно, составляют резко обособленную группу. В сущности это настоящие глагольные формы, в своей функции лишь отчасти сближающиеся с наречиями» [30, с. 73].

В исследованиях современных ученых, развивающих традиции своих предшественников, складываются две противоположные позиции при определении места деепричастия в грамматической системе русского языка. Наиболее распространенной стала точка зрения, согласно которой деепричастие является формой глагола и определяется как неспрягаемая [5; 8], атрибутивная [9], неличная [12; 17]. Такая трактовка деепричастия отражена в Русской грамматике [25].

Другие ученые допускают возможность признания деепричастия самостоятельной частью речи, хотя это и сопровождается оговорками: «Лексико-грамматические свойства деепричастия не укладываются ни в рамки глагола, ни в рамки наречия. Они формируются как таковые на глагольном материале под сильным влиянием наречий. Это позволяет рассматривать их как особый разряд слов, хотя самостоятельность их весьма относительна» [27, с. 395]. И.Г. Милославский называет деепричастие «самостоятельной лексемой» [17, с. 234].

Разнообразие мнений, высказывавшихся по поводу частеречного статуса деепричастия, связано с неоднозначным решением в научной литературе одного из основных вопросов грамматики – вопроса о частях речи.

Несмотря на длительную историю его разработки, в современном языкознании по-прежнему нет единого понимания того, что считать частью речи, как нет и единых принципов классификации частей речи.

Приоритет морфологических свойств слов при их распределении по частям речи подчеркивал Г.О. Винокур [4]. А.Б. Шапиро считал части речи морфологическими классами слов, каждый из которых обладает определенным комплексом форм, являющихся показателем грамматического значения слова. Обращалось внимание и на синтаксические свойства слов, которые, по мнению ученого, не являются первичными и не представляют собой важнейшего условия при определении части речи [28]. М.В. Панов также в качестве основных критериев определения части речи рассматривал морфологическую общность слов, которая «является аффиксальной, а не корневой», и предельно общее грамматическое значение, исходя из чего он считал возможным характеризовать деепричастие как часть речи [20, с. 3].

К сторонникам грамматического направления, которые выделяли части речи на основе их морфологических и синтаксических свойств, относились А.А. Реформатский, В.А. Богородицкий, В.Н. Сидоров и др.

Однако наиболее широкое распространение в науке получило определение частей речи как лексико-грамматических классов, которые отличаются друг от друга совокупностью лексических, морфологических и синтаксических признаков (Л.В. Щерба, А.А. Шахматов, В.В. Виноградов, Н.С. Пospelов, А.Н. Савченко, А.Н. Тихонов, А.Е. Супрун, Э.А. Балалыкина и др.). Об этом, в частности, писал О. Есперсен, подчеркивая, что при определении частей речи «учитывать надо все: и форму, и функцию, и значение» [11, с. 65]. Невозможность «выделять грамматические разряды слов, руководствуясь каким-либо одним критерием – грамматической семантикой, формальными признаками или синтаксической функцией» отмечалась в разделе монографии «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка» [19, с. 102]. Здесь было обращено внимание на то, что «части речи должны выделяться на основе комплекса признаков: морфоло-

гической специфики слова, его грамматической семантики и синтаксической функции» [19, с. 102]. Именно на основе учета такого комплекса предлагалось рассматривать деепричастие в качестве отдельной части речи. Однако в дальнейшем – в Грамматике современного русского литературного языка (1970) и в Русской грамматике (1980) – эта классификация не получила отражения, хотя выделение той или иной части речи с учетом совокупности разных характеристик слова представляется наиболее плодотворным и целесообразным. По сути дела, именно такой подход и реализуется в работах большинства ученых, принимающих участие в дискуссиях по вопросу о классификации частей речи. Отличия заключаются лишь в том, что разные ученые выдвигают на первый план в определении части речи разные ее признаки.

Решение проблемы классификации частей речи осложняется еще и тем, что их система имеет развивающийся характер. Ее состав не является постоянным. Он постепенно меняется, пополняясь новыми категориями, статус которых в существующей системе частей речи вызывает волну дискуссий, связанных с уточнением уже имеющихся или выработкой новых классификационных критериев.

Развитие частей речи как процесс взаимодействия, скрещивания разных аспектов существования слова рассматривал, в частности, И.И. Мещанинов. Генезис частей речи, по мнению ученого, можно описать как результат использования слов определенного значения в некоторой определенной синтаксической функции, приводящего к выработке некоторых специфических для данной группы слов морфологических примет, различных в различных языках. Части речи «представляют собой лексическую группу, характеризующуюся соответствующими синтаксическими свойствами. Таковые приобретаются ими в предложении, где определенная группа слов приурочивается к преимущественному выступлению в значении того или иного члена предложения или входит в состав его» [16, с. 14]. И далее: «Те группировки словарного состава языка, которым мы присваиваем наименование частей речи, образуются в языке лишь тогда и лишь в том слу-

чае, когда группировка слов происходит не только по их семантике, но и по наличию в них... характеризующих формальных показателей» [16, с. 22].

О том, что система частей речи не является статичной и неизменной, писал и А.Е. Супрун: «...изменения в системе частей речи накапливаются постепенно, исподволь, но с какого-то момента количество накопившихся изменений приводит к тому, что наступает качественное изменение: происходит перестройка системы частей речи» [26, с. 123]. Ученый обращал внимание на то, что «особо должны рассматриваться слова, совмещающие характерные признаки разных частей речи (причастия и деепричастия)» [там же, с. 121]. Похожие мысли находим и в работах А.А. Реформатского. Рассматривая вопросы изменения грамматической системы, он отмечает, что «в процессе развития языка могут появляться и новые грамматические категории, например деепричастия в русском языке, произошедшие из причастий» [23, с. 488].

Как показывает анализ научной литературы, представители разных подходов к проблеме выделения частей речи, принимающие во внимание совокупность разных критериев, рассматривают деепричастие в качестве особой категории слов, подчеркивая при этом специфику его грамматической семантики, особенности синтаксического употребления и неизменяемость формы.

Действительно, в самом общем виде основными критериями, которые имеют существенное значение при характеристике любой части речи, можно считать единство формального облика, грамматического значения и синтаксических функций. «Вопросы формы для грамматики имеют первостепенное значение потому, что утверждать о наличии в данном языке той или иной грамматической категории можно лишь в том случае, когда имеется определенная система грамматических форм для выражения данного значения» [32, с. 9]. В процессе становления деепричастия выбор формы и ее стабилизация оказались теснейшим образом связанными с выражаемым этой формой значением, а также той функцией, которую она выполняла в контексте, поскольку «значение не только слов, но и грамматических форм этих слов,

так же как и содержание грамматических конструкций, может быть понято только через призму их функционального использования» [31, с. 108].

Наиболее существенными факторами, на основании которых можно говорить о начавшемся выделении деепричастия в качестве самостоятельной грамматической категории, представляются грамматическое значение и синтаксические функции отдельных форм древнего причастия, послуживших источником новой категории слов.

В.В. Виноградов указывал: «Нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе и лексике... В морфологических категориях происходят постоянные изменения соотношений, и импульсы, толчки к этим преобразованиям идут от синтаксиса» [3, с. 31]. Думается, что это высказывание в полной мере может быть применено и к истории деепричастия.

Указание на изменение синтаксических функций именного действительного причастия как причину возникновения деепричастий находим в работах многих ученых, занимавшихся проблемой образования деепричастия как в русском (А.А. Потебня, Е.А. Истрина, Е.Ф. Карский, А.А. Шахматов и др.), так и в других славянских языках (В. Барнет, Р. Ружичка, Р. Вечерка, М. Деянова и др.). В частности, М. Деянова рассматривает процесс возникновения деепричастия как межъязыковое явление, которое через процесс развития предложения, в конечном счете, связано с развитием мышления. С одной стороны, развитие потребностей общения и усложнения смыслового содержания обуславливало известное усложнение языковой единицы, которая находится в теснейшей связи с мыслительными формами, – предложения. С другой стороны, существовали стремление сохранить ясность и необходимость дифференцировать главное и второстепенное. Такое развитие приводило к распаду причастных конструкций и причастных предложений и возникновению деепричастия и атрибутивных конструкций. Тенденция к ясности в усложняющейся структуре предложения диктовала необходимость усиления противопоставленности между членами предложения и простым предложением. Деянова характеризует функциональное развитие деепричастия как медленный и постепенный

процесс, начало которого можно обнаружить уже в старославянских памятниках [10].

Исходные функции именного действительного причастия, вслед за А.А. Потемной, определяются в научной литературе как атрибутивное и аппозитивное употребление. Причастия в аппозитивной функции были широко представлены в славянских языках. Некоторые исследователи считают, что у древнего именного действительного причастия можно выявить и адвербиальную функцию: отмечается существование в старославянском языке «деепричастного причастия» [33], «адвербиального причастия» [21], причастия с функцией «предикативного обстоятельства» [24]. По-видимому, употребление причастия в адвербиальной функции может быть расценено как отражение синкретизма старого причастия в начальный период развития дифференциации между его краткими и полными формами.

В русистике дискуссии в основном связаны с выяснением того, какую роль в становлении деепричастий играли предикативная функция и их способность выражать обстоятельственные значения. Если, по мнению А.А. Шахматова, переход причастия в деепричастие «возник на почве усиления предикативности причастия насчет его атрибутивности, он повел за собой переход деепричастия во второстепенное сказуемое» [29, с. 45], то, согласно точке зрения Б.В. Кунавина, функция второстепенного сказуемого была основной для именного действительного причастия, а следовательно, краткие действительные причастия на пути перехода в деепричастия ослабляли свои предикативные свойства [14, с. 24].

Об использовании кратких действительных причастий в функции второстепенного сказуемого в русских памятниках разных исторических периодов писали А.А. Потемня, Е.С. Истрина, Л.Е. Лопатина, И.Н. Лекарева и др. Развитие функции второстепенного сказуемого как свидетельство формирования деепричастия рассматривали С.Д. Никифоров, Л.А. Широкова, А.А. Припадчев и др. Г.А. Хабургаев относит обозначение второстепенного действия субъекта к «старославянским традициям употребления нечленных действительных причастий» [7, с. 355]. Именно оно, по мнению ученого, приве-

ло к образованию современных русских деепричастий. Т.В. Коргава рассматривает предикативную функцию как «четкую границу между собственно причастным и деепричастным употреблением» [13, с. 94], указывая, что «область второстепенного сказуемого является “переходной зоной”, той синтаксической сферой, в границах которой формируется новая морфологическая категория – деепричастие. Ведь функция второстепенного сказуемого присуща в равной мере и прежним причастиям, и новым деепричастиям» [там же, с. 115].

В то же время некоторые исследователи указывают на ослабление предикативной роли причастия в процессе его перехода в деепричастие (М.Г. Шатух, Л.К. Дмитриева, Я.А. Спринчак, Т.И. Агафонова и др.), а В.Л. Георгиева считает, что «предикативная функция действительных причастий в ходе истории русского языка была совсем утрачена» [6, с. 43].

Подобная пестрота мнений, как представляется, может быть связана с разным содержанием, которое вкладывается учеными в понятие предикативности. В ряде работ предикативность понимается как способность той или иной формы выступать в предложении в качестве самостоятельного или однородного сказуемого. В других работах в это понятие включается и значение второстепенного сказуемого: «Факт видоизменения причастий в деепричастия не может быть понят как результат сосредоточения предикативности в глаголе, ибо деепричастия не потеряли способность выступать в функции сказуемого, а только специализировались на такой предикативной функции, которая отличается от предикативной функции глагола» [15, с. 176].

Таким образом, если признавать предикативной функцию второстепенного сказуемого, то можно говорить о ее развитии и закреплении, что способствовало еще большему обособлению деепричастия и его функциональному противопоставлению основному сказуемому, выраженному личной формой глагола.

Что касается обстоятельственной семантики, то, оставляя в стороне дискуссию о первичности или вторичности предикативного и обстоятельственного значений, а также об их роли на ранних этапах обособления

именного действительного причастия, отметим следующее: уже по отношению к древнейшим славянским памятникам речь может идти о выражении именными образованиями не только значения второстепенного действия, но и его обстоятельственных характеристик. Таким образом, следует признать обстоятельственные значения, как и предикативные, достаточно древними, присущими формам, давшим начало деепричастию, уже на самых ранних этапах его истории.

Процесс становления грамматической формы деепричастия проходил значительно позже проявления первых синтаксических предпосылок дифференциации именных и местоименных образований в рамках древнего синкретичного причастия. На то, что «деепричастная функция предшествовала возникновению деепричастной формы, то есть образованию деепричастия как оформленной морфологической формации», указывает М. Деянова [10, с. 63]. Об этом свидетельствует и терминологический разнобой при характеристике форм с нарушениями согласования, наблюдающийся в исследованиях, посвященных судьбе причастных форм в разных славянских языках. Факты большинства славянских языков свидетельствуют о ясной относительной хронологии двух процессов – функционального и формального обособления новой глагольной формы. Отсюда необходимо сделать заключение о направлении причинной зависимости между этими процессами – изменение синтаксических функций привело к образованию новой морфологической формы.

Предикативное употребление было свойственно, прежде всего, кратким формам именительного падежа единственного, двойственного и множественного числа, поскольку именно они были непосредственно связаны с названием субъекта действия, выступавшим в качестве подлежащего. Первоначальная связь древнего причастия с подлежащим выражалась в необходимости согласования его форм с именем существительным, но их постепенный переход в сферу сказуемого приводил к утрате обязательного согласования. При этом сохранялась лишь смысловая связь между действием и его субъектом вне зависимости от того, каким это действие представляется – основным или второстепенным.

Эта связь отражается и в нормах современного русского литературного языка.

Стабилизация деепричастных форм происходила в результате конкуренции параллельных образований с различными показателями (-а/-я, -учи/-ючи/-ачи/-ячи, -в, -вши и др.). Каждый из грамматических синонимов постепенно занимал свое место в структуре стилистических и грамматических отношений, образуя новые синонимические ряды и давая тем самым импульс для дальнейшего развития (подробнее об этом см.: [1]). Исходя из сказанного, представляется возможным рассматривать русское деепричастие в качестве самостоятельной грамматической категории (= части речи), которая характеризуется ярко выраженной синтаксической функцией, единством грамматической формы и грамматического значения, сложившимися в результате длительного исторического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулхакова, Л. Р. Развитие категории деепричастия в русском языке / Л. Р. Абдулхакова. – Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 2007. – 188 с.
2. Богородицкий, В. А. Общий курс русской грамматики / В. А. Богородицкий. – 5-е изд., перераб. – М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. – 356 с.
3. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – 2-е изд. – М. : Высш. шк., 1972. – 614 с.
4. Винокур, Г. О. Форма слова и части речи в русском языке / Г. О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. – М. : Учпедгиз, 1959. – С. 409–421.
5. Гвоздев, А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. 1 : Фонетика и морфология / А. Н. Гвоздев. – М. : Учпедгиз, 1958. – 406 с.
6. Георгиева, В. Л. История синтаксических явлений русского языка / В. Л. Георгиева. – М. : Просвещение, 1968. – 168 с.
7. Горшкова, К. В. Историческая грамматика русского языка / К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. – М. : Высш. шк., 1981. – 359 с.
8. Грамматика русского языка. Т. 1. – М. : Изд-во АН СССР, 1953. – 719 с.
9. Грамматика современного русского литературного языка. – М. : Наука, 1970. – 767 с.
10. Деянова, М. Към въпроса за развитието на деепричастието в славянските езици / М. Деянова // Закономерности на развитието на славянските езици. – София : БАН, 1977. – С. 55–81.
11. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М. : Изд-во иностр. лит., 1958. – 404 с.

12. Зализняк, А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение / А. А. Зализняк. – 2-е изд. – М.: Рус. яз., 1980. – 880 с.
13. Кортова, Т. В. Причастные формы в приказном языке XVII века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кортова Татьяна Владимировна. – М., 1989. – 165 с.
14. Кунавин, Б. В. Функциональное развитие системы причастий в древнерусском языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Борис Всеволодович Кунавин. – СПб., 1993. – 706 с.
15. Ломтев, Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка / Т. П. Ломтев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. – 596 с.
16. Мещанинов, И. И. Члены предложения и части речи / И. И. Мещанинов. – Л.: Наука, 1978. – 387 с.
17. Милославский, И. Г. Морфологические категории современного русского языка / И. Г. Милославский. – М.: Просвещение, 1981. – 254 с.
18. Овсянко-Куликовский, Д. Н. Синтаксис русского языка / Д. Н. Овсянко-Куликовский. – СПб.: Изд. И. Л. Овсянко-Куликовской, 1912. – 312 с.
19. Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1966. – 206 с.
20. Панов, М. В. О частях речи в русском языке / М. В. Панов // Филологические науки. – 1960. – № 4. – С. 3–14.
21. Пешикан, М. Неке напомене о развоју активних партиципа у српско-хрватском језику / М. Пешикан // Зб. филол. и лингв. Вып. II. – 1959. – С. 92–104.
22. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – 8-е изд., доп. – М.: Яз. славянской культуры, 2001. – 544 с.
23. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 536 с.
24. Руднев, А. Г. Обособленные члены предложения в истории русского языка / А. Г. Руднев // Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена. – Л., 1959. – Т. 174. – 254 с.
25. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – Т. I. – 783 с.
26. Супрун, А. Е. Части речи в русском языке / А. Е. Супрун. – М.: Просвещение, 1971. – 135 с.
27. Тихонов, А. Н. Современный русский язык (Морфемика. Словообразование. Морфология) / А. Н. Тихонов. – М.: Цитадель-трейд, 2002. – 464 с.
28. Шапиро, А. Б. Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи? / А. Б. Шапиро // Вопросы языкознания. – 1955. – № 2. – С. 42–54.
29. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – 2-е изд. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 620 с.
30. Щерба, Л. В. О частях речи в русском языке / Л. В. Щерба // Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – С. 63–84.
31. Ярцева, В. Н. Проблемы исторической грамматики: соотношение синхронии и диахронии / В. Н. Ярцева // Филологические науки. – 1977. – № 6. – С. 107–116.
32. Ярцева, В. Н. Проблемы языкового варьирования: исторический аспект / В. Н. Ярцева // Языки мира: Проблемы языковой вариативности. – М.: Наука, 1990. – С. 4–36.
33. Večerka, R. Syntax aktivnich participii v staroslovenštine / R. Večerka. – Praha, 1961.

RUSSIAN ADVERBIAL PARTICIPLE: A PART OF SPEECH OR A FORM OF THE VERB?

L.R. Abdulkhakova

The article deals with the Russian adverbial participle and its place in the grammar system of the Russian language in the light of parts-of-speech classification problem and its historical development.

Key words: *Russian language history, grammar, parts of speech classification, adverbial participle.*